Тамара Никонова

Рецепция творчества Андрея Платонова в Воронеже : к проблеме формирования "локальных текстов"

Studia Rossica Posnaniensia 37, 229-237

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

MUZEUM HISTORII POLSKI

STUDIA ROSSICA POSNANIENSIA, vol. XXXVII: 2012, pp. 229-237. ISBN 978-83-232-2519-5. ISSN 0081-6884.
Adam Mickiewicz University Press, Poznań

РЕЦЕПЦИЯ ТВОРЧЕСТВА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА В ВОРОНЕЖЕ: К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ „ЛОКАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ"

AN INTERPRETATION OF ANDREI PLATONOV'S LITERARY WORK IN VORONEZ: ON THE PROBLEM OF RESEARCH ON "LOCAL TEXTS"

ТАМАРА НИКОНОВА

ABSTRACT. The article considers the process of studying Andrei Platonov's literary work on his native land. The process is examined in light of today's topic of literary criticism concerning studying "local texts" which insert the regional tradition into the national structure context.

Тамара Никонова, Воронежский государственный университет, Воронеж – Россия.

В числе задач, которые решает современное литературоведение, включается феномен „локального текста", термин, образованный в современной науке по образцу „петербургского текста", введенного Владимиром Топоровым[1]. По аналогии с ним в литературоведении функционируют „пермский", „крымский", „орловский" (актуализируется локальный признак) тексты, а также „элизийский", „венецианский" и пр. тексты, использующие тематический или мотивный принципы развертывания лирического сюжета.

Однако проблема региональных текстов, вписывающих местную традицию в контекст общенациональной культуры, сегодня осознается одной из важнейших проблем гуманитарного знания не только в силу введения в искусствознание нового, ранее неизвестного материала. Одной из причин, обусловивших повышенное внимание к феномену „локального текста", стало переосмысление соотношения „центра" и „периферии" в гуманитарных науках. В постмодернистской системе представлений центр, призванный „ориентировать и организовывать систему", рассматривается как фактор, ограничивающий „люфт элементов внутри целого". В этой связи возникает интерес к разного рода „периферийным", „пограничным" феноменам, выражающим

[1] В.Н. Топоров, *Петербург и петербургский текст русской литературы*, „Труды по знаковым системам", Тарту 1984, вып. XVIII. В парадигму „локального текста" В.Н. Топоров включает связи с „природной, материально-культурной, духовно-культурной и исторической сферами".

оппозиционность по отношению к центру, вступающих с ним в отношения конкуренции и конфронтации[2]. Пространство культуры тем самым предстает как пространство борьбы за качественную определенность „периферийного", „маргинального", как структурация окраин семиотического пространства. В этой связи „локальные тексты" оказываются связанными не только с реальным локусом и реальным временем, но и с тем, что является собственно художественным пространством, обладающим не меньшей степенью достоверности и психологической убедительности, нежели географическое пространство. Творимое пространство создается художественными текстами, с их помощью наполняется образами памяти, лишь в малой степени соотносимыми с житейской реальностью и провинциальным бытом. „Периферия", осмысляясь как часть целого, обнаруживает креативные способности, формируя системный, разноаспектный образ региона в системе общенациональной культуры. Определяющими факторами формирования этого образа выступают, прежде всего, литературные тексты, наиболее последовательно выполняющие функции смыслового моделирования, а также разноплановые феномены местного культурного бытия, приобретшие статус знаковых, репрезентативных. В этом смысле любой региональный текст создает свои собственные центр и периферию, свои собственные опосредованные звенья перехода от общенациональной культуры к ее региональным вариантам и наоборот.

Каждый „локальный текст" имеет свой формирующий центр, который по тем или иным обстоятельствам осмысляется именно в этом качестве. Для „воронежского текста" русской культуры с 1960-х годов таким центром стал Андрей Платонов (1899–1951). Несмотря на то, что Андрей Платонов с 1926 года жил в столице, он так и остался писателем русской провинции, черноземного края, из „сюжетов" которого практически не вышел до конца жизни. С воронежской юности, свободно и жадно воспринимая все идеи времени, он шел своим путем, не отыскивал готовую теорию или систему взглядов, которой поверил бы всецело, но создавал свою, отыскивая в прочитанных книгах подтверждение собственным догадкам и интуициям.

Платонов был не только литературным гением, но и глубоким и оригинальным мыслителем XX века, складывавшимся в диалоге со своей эпохой. Современной наукой осознан и оценен опыт его реального участия в преображении родного края. У всех, кто сталкивался с ним, никогда не возникало сомнений в его личностной значительности. Скромность, житейская непритязательность Платонова редко обманывала. Например, склонный к эксцентричности Виктор Шкловский, писатель и человек совершенно не платоновского склада, спокойно заявил главному платоновскому гонителю 1930-х годов, что Платонова тому не удастся переделать, потому что Платонов – гениальный писатель. Лев Гумилевский, попавший в зону платоновского внимания как

[2] Ж. Д е р и д а, *Письмо и различие*, Санкт-Петербург 2000, с. 353.

автор книги об инженерах, позже написал, что Платонов „не отражал жизнь, как другие писатели: он творил ее из реального житейского материала по всему образу и подобию, как легендарный бог Саваоф"[3]. Творящую силу его присутствия ощутил на себе и родной город писателя.

Системное изучение платоновского наследия в Воронеже началось с 1960-х годов, когда доцент кафедры советской литературы университета Владислав Скобелев предложил своим коллегам организовать первую в стране (и в мире) научную конференцию, посвященную 60-летию писателя. История подготовки конференции, ее запрещение буквально накануне открытия уже стали историей, описаны теми, кто имел отношение к ее организации[4]. Официальные власти города, выполняя распоряжения „центра", сопротивлялись возвращению опального писателя, но скорее по обязанности, не проявляя должного административного рвения. Так, в год платоновского шестидесятилетия Центрально-Черноземное издательство выпустило сборник платоновских произведений, снабженный первыми комментариями к ним[5]. Вступительная статья Скобелева и Владислава Свительского, основные положения которой не устарели и сегодня, формулировала важные концептуальные подходы к платоновскому наследию. Дальнейшие действия воронежских властей были еще более непоследовательными. Конференцию по распоряжению „центра" запретили, но разрешили издание сборника научных работ *Творчество А. Платонова: статьи и сообщения*, который и вышел в 1970 году в издательстве Воронежского университета. Доклады и сообщения, которые должны были прозвучать на конференции, составили его корпус. Экспертное заключение с рекомендацией к опубликованию сборника принадлежало одному из ортодоксальных советских литературоведов Александру Дымшицу[6]. В конечном итоге труды воронежских исследователей по организации первой платоновской конференции дали нужные результаты. Сборник научных работ получил, пусть и с оговорками, доброжелательную оценку в советской критике и заинтересованное внимание научной общественности во всем мире: издательство Ardis (USA) в 1986 году осуществило его репринтное воспроизведение в качестве единственного научного издания, посвященного изучению платоновских текстов.

Платонов в последующие годы, несмотря на непростое к нему отношение со стороны официальной идеологии, продолжал расширять собственное пространство, формировать платоновскую страничку „воронежского текста". В Воронежском университете продолжалось изучение произведений писателя:

---

[3] Л. Гумилевский, *Судьба и жизнь. Воспоминания*, Москва 2005, с.154.

[4] См. об этом: О.Г. Ласунский, *Об одной некрасивой истории*, [в:] *Платонов-Град*. Приложение к газете „Воронежский курьер" 1999, 1 сентября

[5] А. Платонов, *Повести и рассказы*, вступ. ст. В. Скобелева, В. Свительского, коммент. Т. Никоновой, Н. Митраковой, Воронеж 1969.

[6] Рецензия А.Л. Дымшица опубликована в № 4 „Платоновского вестника".

в 1973 году Людмила Иванова защитила кандидатскую диссертацию *Личность и действительность в творчестве Андрея Платонова*, складывался круг воронежских платоноведов, налаживались их связи с научными центрами, отечественными и зарубежными. В 1970–1980-е годы почти все известные исследователи и переводчики произведений писателя побывали в Воронеже – Анни Эпельбойн (Франция), Томас Лангерак (Голландия), Ханс Гюнтер (Германия), Элизавета Маркштейн (Австрия), Роберт Чандлер (Англия) и мн. другие. Иностранные стажеры, аспиранты, которые обучались в ВГУ в 1970–1980-е годы, уезжали из Воронежа, включив в орбиту своих научных поисков произведения писателя – Чеслав Андрушко (Польша), Клинт Уокер (США) и др.

Расширившееся поле платоновского влияния на отечественную и мировую культуру сказалось и на формах присутствия Платонова и в литературоведении, и в „воронежском тексте". С 1989 года в Воронежском государственном университете проводятся Платоновские чтения (1989, 1994, 1999, 2001, 2004, 2009, 2011), результатами которых являются, как правило, сборники научных работ[7]. С 1999 года по инициативе доц. кафедры русской литературы XX века ВГУ Олега Алейникова издается информационно-библиографический бюллетень „Платоновский вестник" (опубликованы вып. 1–4).

Платоноведение на рубеже XX–XXI веков переживает в известной мере кризис. С одной стороны, это естественное завершение ознакомительного, поискового периода. Десятилетия пристального внимания к писателю сформировали информационный интерес к его творчеству, и этот ресурс уже выработан. Сегодня очевиден масштаб того художественного явления, имя которому Платонов: опубликованы практически все его тексты, сделаны важные шаги к академическому освоению его наследия в полном объеме. Но есть и другие, внешние по отношению к Платонову, причины. Платоновское творчество становится менее привлекательным для западного исследователя. Это продиктовано крушением Советского Союза и сменой интереса к советской литературе. Ведь не секрет, что именно опальный писатель Платонов, автор *Чевенгура* и *Котлована*, не опубликованных на родине, привлекал всеобщее внимание.

Сегодня стало очевидным, что Платонов занял свое место и в литературе его времени, и в культуре. И это сменило не только оптику, с какой исследо-

---

[7] *Андрей Платонов. Исследования и материалы. Межвузовский сборник научных трудов*, под ред. Т.А. Никоновой, Воронеж1993; *Андрей Платонов. Проблемы интерпретации. Сборник трудов*, под ред. Т.А. Никоновой, Е.Г. Мущенко, Воронеж 1995; *Осуществленная возможность: А. Платонов и XX век. По материалам III Международных Платоновских чтений*, редкол. Е.Г. Мущенко (гл. ред.) и др., Воронеж 2001; *Роман А. Платонова „Чевенгур": авторская позиция и контексты восприятия. Межвузовский сборник научных трудов по материалам IV Платоновских чтений*, под ред. Т.А. Никоновой, О.Ю. Алейникова, Воронеж 2004; *Андрей Платонов в идеологических и художественных контекстах своего времени. Межвузовский сборник научных трудов*, Воронеж 2010.

ватель подходит к изучению писателя, но и шкалу его оценок. Опыт изучения творчества Платонова в реальном историческом контексте его времени, опора на литературные факты, истолкованные в контексте своего времени, дают, на мой взгляд, основания для пересмотра существующей истории русской литературы советских лет. А это принципиально иная задача, выходящая за пределы истолкования отдельных платоновских текстов. Сегодня необходимо увидеть тексты советской литературы не только через призму идеологии, но и в свете „помрачения" традиций русской классики. При современном состоянии общества это не менее важно, чем лобовая атака коммунистических идеалов. И разрешение этой задачи выходит за пределы „локального текста", становясь не только литературоведческой проблемой.

Эта изменившаяся ситуация в платоноведении определила и тему, и работу VII Платоновских чтений, проходивших с 4 по 17 июня 2011 года в рамках I международного Платоновского фестиваля в Воронеже. Участникам Чтений было предложено обсудить довольно широкую проблему – „Андрей Платонов и культура его времени" – и попытаться наметить возможные перспективы ее разработки. О том, как эти задачи решались, позволяет судить работа Чтений. Их программа включала доклады ученых вузов России (Москва, Санкт-Петербург, Воронеж, Петрозаводск), стран ближнего (Беларусь) и дальнего зарубежья (Германия, Великобритания, Польша).

Результируя работу VII Платоновских чтений, можно сказать о первоочередных проблемах современного платоноведения. Главные из них – контексты изучения платоновского наследия и подготовка научно выверенных текстов писателя. Последняя проблема важна не только для произведений Платонова. История русской литературы XX века в большей степени, чем литературы других эпох, оказалась зависимой от политических событий века. В результате в начале XXI столетия мы имеем почти полное несовпадение реального литературного процесса 1920–1930-х годов и современных о нем представлений. Так, немногие произведения Платонова были опубликованы при жизни писателя, но даже они для его современников были явлением маргинальным, не всегда замечаемым, тогда как нынешние школьники и студенты-филологи, напротив, ничего не знают об авторах, преподносивших Платонову уроки пролетарского поведения.

Работа над реальным комментарием неотделима от рефлексий на тему методов анализа платоновского творчества, размышлениями о читательском восприятии Платонова, переосмыслением (и/или освоением) тех идей, которыми обогатилось платоноведение за последние годы. Большое внимание исследователи платоновского творчества уделили связям писателя с литературой его времени, с общефилософскими, общекультурными процессами, которые были свойственны культуре первой половины XX века. Об изоморфности платоновского персонажа социально-природно-культурному нерасчлененному единству говорила проф. Людмила Камлюк-Ярошенко (Минский государ-

ственный университет). Пространственно-временная организация крупных эпических полотен Платонова, созданных на основе впечатлений юности писателя, позволила ему, отмечает исследователь, синтезировать разножанровые стратегии, создать свой собственный роман-миф, который оказал столь заметное влияние на русскую литературу первой трети XX века.

Платоновская „космогоничность", тяготение к синтезированию архаических форм и современных реалий, парадоксальность и оригинальность платоновского мировидения также стали предметом рассмотрения. Участники VII Платоновских чтений говорили о том, что однозначно определить эстетическую и художественную позицию Платонова в истории русской литературы и культуры XX века нельзя в силу природы платоновского дарования, но в большей степени по причине разнородных художественных тенденций, определявших жизнь культуры его времени. Не случайно Платонов не укладывается ни в модернизм, ни в авангардизм, ни в социалистический реализм, хотя в отдельных моментах его поэтика не чужда всем перечисленным художественным системам. В частности, интересное частичное совпадение эстетики и поэтики прозы Платонова (например, *Котлована*) с Новой Вещественностью, которая развивалась в искусстве, кинематографии и прозе немецкой культуры второй половины 1920-х годов, ранее отмечал в своих работах крупнейший исследователь творчества Платонова в Германии д-р Ханс Гюнтер. На VII Чтениях в Воронеже он говорил о рецепции творчества Платонова в последние десятилетия. Ключевые платоновские слова-понятия, с которыми работают все исследователи, свидетельствуют, считает Гюнтер, о том, что автор смещает события современного ему малого времени в рамки большого времени и своей концепции космического пространства. На основе расширения и углубления семантики этих слов мы открываем, что они обладают не только историческим, но и архетипическим смыслом. Эта особенность мировидения писателя открывает его для мифопоэтических исследований. Включение же Платонова в контекст современной культуры, базирующейся на постмодернистских рецепциях, позволяет говорить о поэтике абсурда, которая складывалась в платоновских произведениях 1930-х годов. Проф. Гюнтер считает, что меняется и взгляд на место Платонова в историко-литературном плане. В его текстах сегодня мы обнаруживаем переклички с литературным авангардом, с примитивизмом, с обэриутами, с поэтикой абсурда, с произведениями европейских авторов. На наших глазах реализуется метафора о художнике, обогнавшем свое время.

Анализ „среднеазиатских" произведений Платонова в контексте художественной литературы и публицистики 1930-х гг. предложила проф. Кира Гордович (Санкт-Петербург). Эти тексты уже были предметом рассмотрения воронежских ученых, в частности доц. Полины Бороздиной, впервые проанализировавшей повесть *Джан* в ее перекличках с зораастризмом, и проф. Георгия Антюхина, изучавшего платоновскую публицистику начала 1920-х годов. Гор-

дович существенно расширила контекст сопоставлений, увидев в платоновской прозе 1930-х годов динамическую разработку его поэтики 1920-х годов в соответствии с эстетическими и политическими задачами времени социалистического строительства.

Показательный диалог состоялся между польским исследователем проф. Чеславом Андрушко (Познань) и доц. Лидией Шишкиной (Санкт-Петербург), оценившими фантастическую повесть Платонова *Эфирный тракт*, написанную еще в Воронеже. Рассмотрев эту повесть „в свете оккультизма" (Андрушко) и „в контексте русского космизма" (Шишкина), приведя каждый свою систему доказательств, они подтвердили не только уже освоенную платоноведением мысль о „многослойности" поэтики писателя, синтезирующего приемы различных художественных систем, но и продемонстрировали разность подходов западного и отечественного литературоведения к истолкованию художественных текстов. Чеслав Андрушко, определив оккультизм как „синкретическое явление мировой культуры", считает, что в повести *Эфирный тракт* оккультные представления играют определяющую роль в сложном процессе „перевоплощения молодого Платонова из мыслителя в художника", выстраивая для этого свою систему доказательств. Шишкина, опираясь на исследования отечественных ученых о русском космизме, в частности, на работы Светланы Семеновой о наследии религиозного мыслителя Николая Федорова, биографически связанного с Воронежем, рассмотрела повесть *Эфирный тракт* в контексте отечественной литературы 1920-х годов, связав свой анализ уже с воронежскими реалиями.

О скрытых сюжетах военной прозы Платонова в свете национальной традиции говорила Ирина Спиридонова (Петрозаводск), показав в целом ряде убедительных примеров точнейшую работу писателя со словом, естественные выходы к проблемам национального характера, столь важные в литературе периода Отечественной войны.

Отдельно следует отметить работы молодых воронежских исследователей, продолжающих традиции, заложенные еще в 1960-е годы. Не так давно защитившая кандидатскую диссертацию Н.А. Власова обратилась к „детским" рассказам писателя, увидев в них отражение платоновских размышлений о своих главных ценностных категориях – семье, жизни/смерти, родстве/сиротстве.

Асп. Анна Грязнова, обратившись, казалось бы, к многократно изученной паре „человек + машина", увидела в ней новый поворот привычной темы, связав ее с мировоззренческими поисками писателя, с технократическими увлечениями эпохи и гуманистическими ценностями русской классики. О разных типах человеческого поведения на войне, которые дает проза Платонова, говорила докторант кафедры русской литературы XX и XXI веков Руслана Переславцева. Сопоставив платоновские тексты, посвященные гражданской и отечественной войнам, она увидела в них не только эволюцию взглядов

и поэтики писателя, но и базовые ценности русской классики, творчески преломленные в платоновском художественном мире.

На Чтениях были продемонстрированы не только традиционные методы литературоведения. Воронежские реалии платоновского наследия были выведены многими исследователями не только за пределы отечественной литературы (Андрушко, Буллок), но и за пределы словесного искусства. Богатым по материалу был доклад ст. научного сотрудника государственной Третьяковской галереи Ирины Прониной о биографических и творческих схождениях прозаика Платонова и художника Павла Филонова. Уже отмеченные платоноведением их творческие переклички (работы Анатолия Абрамова (Воронеж), Ирины Гавриловой (Москва)) в представленном на Чтениях докладе были дополнены новыми архивными материалами, которыми располагает Пронина, а самое главное – возможностью увидеть подлинные картины работы Филонова. Развернутые в рамках Платоновского фестиваля экспозиции „Путешествие в человечество. Эпоха Платонова в произведениях живописи из собрания Государственной Третьяковской Галереи" и „Время Платонова. Борис Игнатович. Из собрания Музея Московского Дома фотографии" дали дополнительную возможность ученым увидеть единство культурного поля XX века, смысловое взаимодействие понятий „столица" и „провинция".

Еще одним важным моментом Платоновских чтений, живым результатом развития платоновской традиции в его родном городе явилась презентация литературного альманаха с таким важным для всех воронежцев названием „Ямская слобода". Открывающийся эпиграфами из Ивана Бунина и Андрея Платонова, двух великих уроженцев Воронежа, альманах, как сказано в „Необходимом предуведомлении" Дмитрия Дьякова, ген. Директора „Воронежской областной типографии – издательства им. Е.А. Болховитинова", возвращает нас памятью к 1798 году, когда была издана самая первая печатная книга, которую назвали *Опыт Воронежской губернской Типографии* – „с того самого момента и пошла вся местная печать". Альманах „Ямская слобода", продолжим цитировать Дьякова, – „начало дороги из Воронежа в столицу, а оттуда – во весь мир". Не выступая в качестве рецензента нового литературного альманаха, скажу лишь о том, что, на мой взгляд, определяет его творческое лицо: „платоновский" код в его названии не только дань памяти нашего великого земляка, но и апелляция к платоновской вере в человека, к его убеждению, что „нигде человеку конца не найдешь и масштабной карты души его составить нельзя". А это и есть начало творчества – „обольщение" (опять платоновское слово!) жизнью, ее неповторимостью, где бы она, эта жизнь, ни вершилась – в столице или провинции. „Платоновская" составляющая нового альманаха поддержана статьей Т. Дьяковой „*Сокровенные" люди в неустроенном мире. Духовное родство: Андрей Платонов и Дмитрий Кондратьев*, знакомящей нас не только с интересным художником, но и разрабатывающей идею плодотворности платоновского присутствия в отечественной

культуре. В альманахе воспроизведен выразительный портрет писателя, выполненный Кондратьевым и переданный вдовой писателя в дар областному художественному музею им. И.Н. Крамского. Иллюстрации ко всему альманаху „Ямская слобода" выполнены воронежской художницей Натальей Коньшиной, уже хорошо известным иллюстратором платоновских текстов.

Завершая разговор о VII Платоновских чтениях и традициях, которые он продолжает, хочу сказать еще об одной. Как правило, Платоновские дни отмечались сообществом платоноведов в совпадающие сроки. Нередко участники московской международной конференции, петербургского платоновского семинара становились участниками воронежских Чтений, и наоборот. Неслучайно Алексей Варламов, автор книги *Андрей Платонов*, сказал в интервью „Платоновскому вестнику" в 2009 г. об особой атмосфере взаимного сотрудничества, сложившейся в среде платоноведов, так сказать, „первого призыва". Не стал исключением в этом плане и 2011 год.

26–28 мая в Гентском университете (Бельгия) кафедрой славянских и восточно-европейских исследований была организована конференция „Возвращаясь к Платонову: прошлый и нынешний взгляд на страну философов". Ее организаторами были проф. Томас Лангерак, автор зарубежной биографии Платонова (1995), и его ученик Бен Дооге. Своей целью они ставили „не представление новейших открытий и исследований, касающихся писателя и его творчества, а размышление об изменениях в восприятии читателей и в научном исследовании платоновского творчества". Как видим, задачи и гентской конференции, и воронежских Чтений были сходными.

В конференции Гентского университета приняли участие исследователи, большинство из которых бывали в разные годы докладчиками Платоновских чтений в Воронеже, в том числе и сам Томас Лангерак. Так, Клинт Уокер (Ун-т Монтаны, США) был стажером кафедры, позже принимал участие в Чтениях, спонсировал один из сборников научных статей, вышедших по материалам Чтений (2004). Воронежцы хорошо знают переводчика произведений Платонова Роберта Чандлера (Англия), исследователей Сусуму Нонака (Япония) и Юн-Сун Юн (Корея), в разные годы выступавших на Платоновских чтениях. А Ханс Гюнтер (Германия), Филипп Буллок (Великобритания), Наталья Корниенко (Москва), Елена Колесникова (Санкт-Петербург), Нина Малыгина (Москва), словно исполняя сложившуюся традицию, откликнулись на наше предложение и выступили с докладами на VII Платоновских чтениях в Воронеже.

Хроника изучения творчества Платонов в Воронеже, при всей своей внешней локальности, является частью того пути, который прошло отечественное литературоведение во второй половине XX века. Исследователи „локальных текстов", решающие, казалось бы, свои региональные задачи, неотделимы от тех процессов, которые определяют науку и культуру эпохи. Культура не имеет границ, и сегодняшнее внимание к „локальным текстам" должно рассматриваться как один из способов обнаружения и описания феноменов национальной и мировой культуры.